

Тот искренний поцелуй кружил голову, заставляя терять связь с реальностью. Лишь случайно скользнув взглядом по лежащим на столе рабочим документам, Камисато Аято осознал, что они всё ещё в кабинете. Он отстранил от себя Тому, который был полностью поглощен моментом, и заметил, что его собственная левая рука всё ещё крепко сжата в ладони Тома, а сам парень так и льнет к нему. Глядя на растерянное, почти детское выражение лица Тома, Аято не сдержался и тихо рассмеялся.

Тома: ???

— Давай на этом остановимся, остальное доделаем позже. Мы всё-таки в кабинете.

Опомнившись, Тома мгновенно вспыхнул — от шеи до самых кончиков ушей. Он неохотно разжал пальцы, собираясь отстраниться, но Камисато Аято перехватил его руку и потянул к себе, усаживая за рабочий стол.

— Господин глава клана?

Теперь их пальцы переплелись по-настоящему, передавая тепло и силу. Две души без слов обменивались глубоким чувством.

— Хм? Теперь стесняешься? А ведь только что совершил нападение. Ты сегодня на редкость смел, Тома. В обычное время ты бы на такое не решился.

Жар на щеках ещё не успел спасть, а тут ещё и насмешка господина застала врасплох, проникая в самое сердце. Тома слегка кашлянул и, глядя на их сцепленные руки, ответил с новой решимостью:

— В остальном я могу следовать правилам, но когда дело касается любви к вам, я обязан быть дерзким. Иначе вы, словно одуванчик, разлетитесь от первого же дуновения ветра, оставив меня одного.

— Тома...

— К тому же, вы едва не ускользнули от меня. Я хочу остаться рядом, беречь вас, заботиться о вас, удерживать вас...

Столь прямые слова, сладкие, словно мед, не оставляли пути к отступлению. Пылающие уши подсказали Аято, что эту тему пора закрывать.

— Довольно, довольно, я понял. Я никуда не сбегу. Мне нужно разобраться с бумагами, посиди рядом со мной.

— Слушаюсь, господин глава клана.

Тома послушно уселся сбоку, свободной рукой помогая раскладывать документы, и принялся внимательно изучать черты лица Аято.

Профиль господина был безупречен, линии — изящны. Высокий лоб плавно переходил в красивый изгиб переносицы, придавая лицу утонченность и благородство. Глаза, скрытые за опущенными веками, выдавали его сдержанность и невозмутимость, но покрасневшие уголки глаз добавляли облику неожиданной, манящей притягательности.

Прямой нос подчеркивал решительность и уверенность, а легкое подрагивание крыльев носа выдавало его чувствительность и тонкую натуру.

Линия подбородка, четкая и слегка изогнутая, казалась произведением искусства. Весь силуэт излучал грацию и аристократизм.

Но больше всего притягивали взгляд мягкие губы. Тома только что испытал их вкус — сладкие, нежные, сейчас они напоминали распутившуюся розу из Мондштадта, яркую и готовую вот-вот выпустить нектар.

Мондштадт? Господин в последние дни часто упоминал этот город. А те странные слова, тот внезапный танец... Это был порыв или?.. До этого мы просто болтали: об Аратаки Итто, госпоже Камисато и... Путешественнике? Путешественнике!

Вспомнив недавние слова бабушки Фуруты, Тома сложил всё воедино.

Он был настолько поражен собственной догадкой, что замер на месте.

— Тома, я знаю, что ты смотришь на меня, но если будешь отвлекать меня от работы, это ни к чему хорошему не приведет.

Такой горячий взгляд трудно было игнорировать. Аято отложил кисть, подпер подбородок рукой и с любопытством уставился на него, ожидая, что же тот предпримет.

— Господин глава клана.

— Слушаю.

— Вы знаете: мой отец из Инадзумы, а мать — из Мондштадта. Хотя я и вырос в Мондштадте, привыкнув к атмосфере свободы, из-за чего легко нахожу общий язык с кем угодно, но, ведомый ветром, я благополучно добрался до Инадзумы. Не найдя отца, оставшись без гроша и без единой родной души в самый трудный момент жизни, я, с детства воспитанный на

отцовских наставлениях, встретил того, кому захотел посвятить свою верность до конца. Это вы.

— Тома...

Тома положил свой алый Глаз Бога в ладонь Аято и, нежно поцеловав его, прошептал:

— Я готов отдать все свои силы, чтобы помочь молодому господину и госпоже. На пути, который вам предстоит пройти, вам обязательно понадобится такой помощник, как я.

Воля, горящая ради верности, породила столь сильное желание, что привлекла внимание богов. Вот как я получил свой Глаз Бога. Я получил его, чтобы защищать вас и госпожу Камисато.

Ярко-красный, словно пламя, Глаз Бога охлаждал ладонь, но казалось, что он прожигает грудь Аято насквозь.

— Что именно ты хочешь сказать?

— Я не вернулся назад, потому что хочу остаться с вами. Я хочу, чтобы вы попробовали еду из Мондштадта, потому что знаю, как вы любите необычные вкусы. Я не хочу вас подвести, потому что это важное задание, касающееся перемен в Инадзуме, которое вы доверили мне.

Это... ответ на вопрос, который он задал ему в саду. Неожиданно.

Тома, ну ты и... какой же ты милый. Я не отпущу тебя. Отныне и навсегда я никуда тебя не отпущу.

Теплое солнце, оказывается, давным-давно задержалось над сухим деревом, дожидаясь, пока на нем проклюнутся новые побеги. Даже плывущая по течению коряга чудом пустила корни, решив сплестись ветвями и расти вместе.

— Господин глава клана, вы так и не ответили: почему вы вдруг станцевали тот танец и почему не сказали мне, что он значит?

Аято приподнял бровь, подался вперед, и когда их дыхание смешалось, тихо рассмеялся:

— Столько слов — и всё ради этого вопроса?

— Ответьте мне, господин глава клана.

Хоть это и была просьба, в голосе не было места для отказа.

Научился давить на меня? Смело. Что ж... награжу тебя за это.

— Го-господин глава клана! Что вы делаете?!

Тома, ожидавший ответа, оказался прижат к кушетке. Аято навис над ним, усевшись сверху, и посмотрел на него с загадочной улыбкой:

— Тома, ты ведь такой умный, должен был давно догадаться.

— Вы... думали, что я уеду, боялись, что я останусь только из чувства долга, поэтому не решались признаться. А потом услышали те слова бабушки Фуруты и подумали, что я влюблен в Путешественника... Значит, господин глава клана, вы... вы приревновали, и поэтому... м-м-м...

На этот раз слова Тома были поглощены поцелуем. Всё стало понятно без лишних фраз. Поцелуй, инициатором которого выступил Аято, был ещё более страстным, чем предыдущий. Языки сплетались, выплескивая всё: недовольство, ревность, безумие и глубокое обожание.

Слюна, которую они не успевали сглатывать, стекала по уголкам губ. Спустя долгое время, когда они наконец разомкнулись, тонкая серебристая нить разорвалась в воздухе. Сбивчивое дыхание, густая атмосфера — казалось, пространство вокруг окрасилось в розовый цвет, а температура в комнате продолжала расти.

— Тома, ты мне мешаешь.

Хриплый голос выражал недовольство, а в ответ прозвучал такой же охрипший, низкий голос:

— Простите, господин глава клана, я...

— Тсс.

Аято медленно опустился, всем телом прижавшись к Томе. Его левая рука, всё ещё переплетенная с рукой Тома, была покрыта поцелуями. Сердца бились в унисон. Свободной правой рукой Аято накрутил на палец прядь волос Тома, провел по его челюсти и начал выводить круги на кадыке, вызывая у парня легкую дрожь. Тома, стараясь не шевелиться, осторожно обнял его одной рукой, чтобы тот не соскользнул.

— Твое сердце бьется так быстро. Как и мое.

— Хотя мне и хочется продолжить, но если мы не разберемся с делами сегодня, завтра мне влетит от тех стариков.

— Тома, ты ведь не хочешь, чтобы меня ругали, правда?

Тома, который уже был готов ко всему: ...

— Господин глава клана, ну вы и хитрец. Перестаньте меня дразнить.

— Зови меня Аято. Разве тебе не нравится?

— Аято... Нравится. Всё, что исходит от вас, мне нравится.

— М-м, мне тоже. — Аято потерся щекой о его плечо и закрыл глаза, снова прислушиваясь к бешеному стуку сердец.

В этот раз это не сон. Это тепло объятий, это удовлетворение всех желаний.

Прошло немало времени, но Аято так и не поднялся. Его руки продолжали блуждать по телу Тома, поглаживая и слегка пощипывая — не больно, скорее щекотно. Тома перехватил его шаловливые ладони и с легкой досадой прошептал:

— Вставайте, господин глава клана. Вам нужно работать, иначе опять придется не спать всю ночь.

— Ничего страшного. Полежим еще немного, ты ведь всё равно побудешь со мной.

— Конечно.

— Я хочу чая с молоком. Принеси мне.

— Нет.

— Тогда я не буду обниматься. Вставай, уходи. — Несмотря на слова, человек сверху не сдвинулся ни на дюйм.

— ...Вы еще не ужинали. Я приготовлю всё, как только вы поедите, хорошо?

— Хм, прощаю тебя. Разрешаю обниматься еще немного.

— Хорошо.

— Поцелуй.

— Хорошо.

— Еще один.

— Господин глава клана!

— Последний.

— ...Ладно.

— Техника у тебя хромает, придется мне самому.

— !!! Господин глава клана... м-м-м... м...

<http://bllate.org/book/21788/2253646>